

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ТРЕНДЫ

КОЛОДЯЖНАЯ Юлия Владимировна

соискатель ученой степени кандидата наук

Челябинский государственный институт культуры

начальник

Управление образования администрации Октябрьского муниципального района

г. Челябинск, Россия

В основу статьи положен фундаментальный тезис о том, что взгляд в будущее без учета уроков прошлого ни к чему не приведет. Это относится и к обсуждаемой здесь теме. В дискурсе, восходящем к 1990-м гг., появились характерные модели аргументации в отношении высшего образования, поддерживаемого технологиями, которые постоянно обновляются. Статья обращается к ним, чтобы подготовить критическое исследование феномена оцифровки как повествования о прогрессе. Наконец, на фоне пандемии COVID-19 будет введено другое прочтение оцифровки, более тесно связанное с потребностями университетского обучения.

Ключевые слова: цифровое образование, цифровизация, электронное обучение, медиа, интернет, киберутопия, цифровая эпоха.

Основное внимание в статье уделено описанию возможных сценариев будущего цифрового высшего образования – огромная проблема, если учесть динамику технологических разработок, отображаемых в средствах массовой информации, и прогнозируемое воздействие на организации. Но как определить значимые тренды, если остается неясным, как технологии повлияют на социальные процессы? С одной стороны, говорят, что инновации обладают большим прорывным потенциалом для образования, с другой стороны, университеты веками характеризовались высоким уровнем долговечности и надежности.

Кроме того, будущее в целом уже не кажется столь привлекательным, а увлечение технологиями, как двигателем социального прогресса, уступило место опасениям связанных с ними негативных социальных и культурных последствий. Массовая слежка и контроль, фейковые новости, разжигание ненависти и дискриминационные алгоритмы стали цифровыми явлениями с глобальным охватом.

Литературовед Ганс Ульрих Гумбрехт описывает странную ситуацию, в которой мы находимся уже какое-то время, как «хрупкое настоящее» и означает: «настоящее расширяется настолько, что все (и противо-

положное всему) кажется в нем возможным, а горизонт будущего сужается до ожидания приближающейся – но, может быть, еще далекой – катастрофы» [3]. Из этого измененного созвездия прошлого, настоящего и будущего можно сделать следующие выводы для дизайна этой статьи. Для начала, оглянувшись назад, обсудим взаимодействие технических и педагогических разработок в период с середины 1990-х до середины 2000-х гг. с точки зрения «наследия электронного обучения» и рассмотрим основные мифы и нарративы, которые создали определенные идеи об обучении с помощью цифровых инструментов. Этот более глубокий уровень часто не раскрывается, так что формирующие влияния нарративов накладываются и искажают педагогику.

Во-первых, оглядываясь назад, можно обострить восприятие преемственности и преобразований в оцифровке высшего образования. Сейчас речь идет о платформах, данных и искусственном интеллекте, а менее престижные, но педагогически важные темы, такие как открытые образовательные ресурсы и открытые образовательные практики, отодвинуты на второй план.

Во-вторых, обращаясь к пандемии COVID-19, и возникшему в результате «цифровому

разрыву», мы видим его очевидность в связи с социальными представлениями, связанными с оцифровкой высшего образования. Это означает укоренившиеся в обществе представления о том, что такое цифровое образование и какие цели оно должно выполнять.

Два социальных представления соревнуются за внимание:

1) оцифровка образования как задача, которую нужно решать с военной точностью;

2) романтизированное понятие высшего образования, которое цепляется за неизбежную важность общего присутствия.

Работа с этими противоположными позициями определит дальнейший ход дискуссии о будущем университетского образования в этом десятилетии. В этом отношении менее детерминистская точка зрения – в отношении технологий и социального – кажется разумной альтернативой.

Краткое примечание о методической процедуре, состоящей из двух этапов: для реконструкции дискурса раннего электронного обучения, а также текущего используются разработки в области цифровизации вуза, представления обзорного типа, которые можно исследовать через общие базы данных (например, цифровизацию). Выбор осуществляется на основе широты представлений, что означает, что в оценку включаются только те вклады, которые рассматривают развитие электронного обучения в целом с метаперспективы. Поэтому презентации отдельных проектов представляют второстепенный интерес. Для выявления лежащих в их основе представлений, мифов и нарративов мы ориентируемся на соображения философии технологии и культуры, а также организационной социологии [4]. Описанные там модели мышления, типичные для того времени (например, калифорнийская идеология), перенесены в дискурс электронного обучения и проиллюстрированы характерными высказываниями.

Электронное обучение в настоящее время достигло совершеннолетия и избавляется от своего старомодного (такие термины, как телеобучение, виртуальный университет или мультимедийное обучение). 20 лет назад было иначе, новые медиа выполняли шарнирную функцию и были семантически связаны с бизнесом – новым рынком – и политикой –

новым центром. Это передало ощущение модернизации и расцвета новой эры. Образование также должно быть модернизировано благодаря благам новых технологий. Кто всерьез захочет противостоять прогрессу? Этот наводящий вопрос указывает на более глубокую проблему – экономическое сужение модернизации и приспособление высшего образования к потребностям свободного рынка.

Именно такой образ мышления, сформированный экономикой, был центральной частью нарратива кибер-либертарианства, который был очень влиятельным в 1990-х гг. Важный аспект связан с отношением к жизни контркультуры, которая проявилась в движении хиппи вокруг Сан-Франциско и которая причудливым образом спланилась с технологической эйфорией, сформировав калифорнийскую идеологию. Здесь сошлись фактически непримиримые позиции: левое освободительное движение и неолиберализм. Однако их объединяет вера в технологии как в движущую силу освобождения личности от политических и социальных ограничений и реализации нового цифрового рынка. Интернет создавался как киберутопия, стоящая за пределами всех политических, экономических и исторических отсылок к обществу.

Увлечение не было омрачено падением новой экономики в начале 2000-х гг., а рассматривалось как своего рода временное затишье в неостановимой революции. В 2002 г. тогдашний федеральный министр образования и исследований предупредил о слишком высоком уровне интернет-сопротивления в Германии, что препятствует прогрессу. Федеральное министерство образования и исследований хотело противодействовать этому с помощью инициативы финансирования «Новые медиа в образовании», которая в то время была одной из самых финансово сильных инициатив в мире с объемом 185 миллионов евро.

Надежды электронного обучения на устойчивое улучшение качества и экономия средств пришлась как раз вовремя, потому что университеты были не в лучшем состоянии: истощались финансовые ресурсы, увеличивалось количество студентов и усиливалась конкуренция со стороны коммерческих образовательных организаций. Был выраженный кризисный дискурс с книгами. С пяти до

двенадцати в университетах Германии (Клотс, 1996) и были востребованы новые модели контроля, которые должны были обеспечить большую эффективность в управлении ограниченными ресурсами [5].

В середине 2000-х, то есть через несколько лет после начала новой цифровой эпохи, провозглашенной политикой и бизнесом, Зеуферт и Эйлер видели будущее электронного обучения на распутье: «либо электронное обучение становится все более неотъемлемой частью преподавания в университетах, либо электронное обучение остается там инородным телом, а кладбище образовательных технологий расширяется и включает электронное обучение наряду со школьным телевидением, инструкции и языковая лаборатория» [14].

Оценка успеха или неудачи электронного обучения неизбежно зависит от точки зрения зрителя и лежащей в его основе политической программы. В результате суждения могут различаться и относиться только к определенным разделам интеграции электронного обучения. Для настоящего обзора это касается фактического уровня инициатив и проектов электронного обучения и вопроса их устойчивости, с одной стороны, и повествовательного уровня, с другой стороны, вопроса о том, какие идеи электронного обучения смогли преобладать в предпочтении другим идеям.

То, что было достигнуто на первом уровне, можно восстановить с помощью обширной документации и отчетов. В обзоре «Средства поддержки электронного обучения в немецких университетах» это благоприятное взаимодействие таких факторов, как стратегия развития СМИ, инфраструктура и участники сотрудничества. Другим примером является «отчет о состоянии мониторинга электронного обучения», в котором делается конструктивный и критический вывод: «Даже если запланированная экономия ресурсов, структурные изменения университетов и концепции устойчивого внедрения и консолидации не были реализованы в желаемой форме, приверженность использованию медиа в университетах поощрялась и раскрывался огромный потенциал» [9, с. 197].

Исследование «Адрес не найден – о цифровых следах электронного обучения». «Финансирование проектов» [11]. Ввиду отсут-

ствия документации вряд ли может идти речь об устойчивости. Точно так же основная цель разработки новых бизнес-моделей электронного обучения в университетах в значительной степени не достигнута. Чего не хватает в этом и подобных исследованиях, так это более глубокого анализа, выходящего за рамки условий технической инфраструктуры и/или организационной структуры, а также учитывающего нормативные идеалы и принятие желаемого за действительное, связанные с использованием электронного обучения в университете. Такой взгляд показывает, что конфликты в смысле «столкновения культур» были неизбежны, исходя из термина Сэмюэля Хантингтона «столкновение культур». В качестве краткого примера можно выделить, с одной стороны, рыночно-ориентированное мышление, а с другой – университеты, увязшие в большом количестве нормативных руководящих принципов. Сюда входят такие идеи, как классический гумбольдтовский идеал образования, а также идея университета как «Агентство прогресса» [8]. В отличие от компаний Новой экономики, университеты в основном были ориентированы не на получение прибыли, а на общее благо и были привержены не бизнес-плану, а учебной программе. Однако эта разница понималась не как нечто подлинно университетское, а как досадный исторический балласт, от которого теперь нужно быстро избавляться на пути к информационному обществу.

Вернемся к вопросу о том, что осталось от электронного обучения. Решение технических, инфраструктурных и организационных задач шло, хотя и с характерной для университетов скоростью. С другой стороны, меньше внимания уделяется рассказам, связанным с электронным обучением. Теперь задача состоит в том, чтобы сделать их явными и раскрыть таким образом, чтобы их можно было противопоставить идеалам и реальности в университете. Это относится, в частности, к образовательным технологиям, продаваемым коммерческими поставщиками с определенной идеологией, а также в целом к рассказам, распространяемым политиками и бизнесом о будущем университетов в цифровом мире. В целом, есть удивительная стабильность и

адаптируемость повествований.

Таким образом, эмпирически несостоятельные идеи гибкости и независимости от места и времени, которые были усилены введением электронного обучения и должны были привести к снижению затрат и повышению эффективности обучения, были продолжены и перенесены в последующие инновации, такие как смешанное обучение или мобильное обучение – без структурных изменений в организации обучения в вузе.

Наследие электронного обучения можно понимать как нормализацию интернет-технологий для использования в университетском обучении. Новые медиа утратили свой эффект новизны и, хотя и по-разному, стали частью повседневной жизни. Тем не менее, кажется, что до сих пор нет единого мнения о дидактике электронного обучения, и решение о конкретном варианте электронного обучения часто зависит больше от личных предпочтений, чем от дидактических соображений. По-прежнему преобладает инструментальное понимание образовательных технологий, т. е. вера в то, что обучение и преподавание можно каким-то образом улучшить. Мышление в терминах аналоговой университетской дидактики продолжает оставаться эффективным. Эту культурную преемственность необходимо соблюдать, когда мы сейчас рассматриваем цифровизацию университетов как мегатему, которая, кажется, доминирует в 2020-х гг., как никакая другая. Так называемая цифровая трансформация обычно изображается как технологическая революция [12] или – применительно к высшему образованию – как «цифровая образовательная революция». С такой мощной риторикой прошедшая эра электронного обучения кажется бурей в стакане воды. Потому что сейчас речь идет об университете в целом, обо всех функциональных направлениях и аспектах деятельности.

Типичная схема аргументации обычно выглядит следующим образом. Происходят огромные технологические изменения, которые приводят к «сдвигам тектонических плит в обществе и организации» [13, с. 8]. Из этого следует вывод о «глубоких изменениях в секторе высшего образования», которые сейчас необходимо срочно осуществить. Необходимы стратегические решения сверху

вниз, например, те, которые поддерживает Большой форум с одноранговыми консультациями. Здесь мы снова видим влияние техногенно-детерминистского мышления, которое рассматривает инновации как имеющие непосредственное влияние на общество, а высшему образованию отводит лишь второстепенную роль.

При такой большой готовности к изменениям неизбежно возникает скептицизм в отношении выдвигаемых телеологических представлений. В качестве примера остановимся на одном аспекте, а именно на неполноте рассуждений. В нем говорится, что цифровизация носит глобальный характер и затрагивает все сферы жизни общества. Речь идет о таком явлении, которое приводит к всесторонним изменениям как бы в соответствии с законами природы. Этот процесс уже можно изучать на примере бизнеса (4.0) или медиа.

Затем это универсальное явление используется для того, чтобы поставить университеты в один ряд с бизнесом и медиакомпаниями и вывести такие лозунги, как «Образование 4.0» [6]. Однако они служат больше для того, чтобы позиционировать определенных говорящих в горячем дискурсе, чем для существенного вовлечения в образовательные концепции. При этом игнорируется тот факт, что университеты, безусловно, могут разрабатывать свои собственные механизмы решения. С этой точки зрения, первый вопрос, который необходимо задать, заключается в том, решением каких образовательных проблем может стать оцифровка.

Пока, однако, солюшнизм, привнесенный в университет извне [7], кажется формирующим, в том числе и для 2020-х гг. Это можно продемонстрировать на примере МООК (Массовые Открытые Онлайн Курсы) в качестве тизера грядущего цифрового будущего, которое вращается вокруг персонализации, обеспечиваемой алгоритмами и аналитикой обучения. Подобно электронному обучению, МООК сегодня уже не считаются «модными», но они ясно демонстрируют модели воображения будущего высшего образования, имея свои достоинства. Процесс дистанционного обучения предполагает использование самых разных материалов. Дистанционные курсы образования МООК не ограниче-

ны видеороликами, они дополняются ссылками на различные источники: текстовые документы, аудиофайлы, обсуждения на форумах и в социальных сетях. Такая система не

только повышает восприятие материала, но и развивает способность у слушателей ориентироваться в потоке информации и самостоятельно добывать нужные знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты и взаимосвязи педагогических инноваций. В D. Euler & S. Seuhert, Электронное обучение в колледжах и образовательных центрах. – Мюнхен: Ольденбург, 2006. –
2. Гумбрехт Х.У. Для оптимизации мониторинга образования // Журнал педагогики. – 2019. – № 66(1). – С. 64-71.
3. Гумбрехт Х.У. Хрупкое настоящее. Размышления и реакции. – Штутгарт: Реклам, 2020. –
4. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в межнациональной перспективе. – Беркли: Изд-во Калифорнийского университета, 1983. –
5. Клотц П. Сгнивший в ядре? От пяти до двенадцати в университетах Германии. – Штутгарт: немецкое издательское учреждение, 1996.
6. Майнел К. Образование 4.0 – Как мы будем учиться завтра. Фонд Генриха Белля, 2017. – URL:<https://www.boell.de/de/2017/06/19/bildung-40-wie-wir-morgen-lernen-werden> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Морозов Е. Чтобы сохранить все, нажмите здесь: Безумие технологического растворительства, 2013.
8. Нассехи А. Модель. Теория цифрового общества. – Мюнхен: DTV, 2019.
9. Реверманн К. Электронное обучение в области исследований, преподавания и повышения квалификации в Германии. Отчет о результатах мониторинга электронного обучения. – Берлин: Бюро технической оценки последствий при Бундестаге Германии, 2006.
10. Хартонг С. Для оптимизации мониторинга образования // Журнал педагогики. – 2020. – № 66(1). – С. 64-71.
11. Хауг С., Ведекинд, Дж. «Адрес не найден» – по цифровым следам проектов финансирования электронного обучения. ВУ, 2009.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Мюнхен: Издательство Пантеон. 2016. Онлайн-обучение: план пандемии для колледжей. FAZ.NET. – URL:<https://www.faz.net/1.6734167> (дата обращения: 29.10.2020).
13. Эйлер Д., Зеуферт С. От новаторского этапа к устойчивому внедрению, 2005.
14. Элерс Ю.Д. Будущие навыки. Обучение будущему – высшее учебное заведение будущего. – Висбаден: Шпрингер против, 2020.

HIGHER EDUCATION AND DIGITALIZATION: DEVELOPMENT DIRECTIONS AND TRENDS

KOLODYAZHNAYA Yulia Vladimirovna

Candidate of Sciences Degree Seeking Applicant

Chelyabinsk State Institute of Culture

Head

Department of Education of the Oktyabrsky Municipal District Administration

Chelyabinsk, Russia

The article is based on the fundamental thesis that looking into the future without taking into account the lessons of the past will lead to nothing. This also applies to the topic discussed here. In a discourse dating back to the 1990s, characteristic models of argumentation have emerged regarding higher education, supported by technologies that are constantly being updated. The article refers to them in order to prepare a critical study of the phenomenon of digitization as a narrative of progress. Finally, against the background of the COVID-19 pandemic, a different interpretation of digitization will be introduced, more closely related to the needs of university education.

Keywords: digital education, digitalization, e-learning, media, Internet, cyber utopia, digital age.